

У правого фаворита императора есть одна вещица, на которую я положила глаз, — бесстыдно ухмыльнулась Цяо Жань. — Раз уж она мне приглянулась, то должна принадлежать мне. Но столица слишком далеко, ехать туда мне лень, так что пусть правый фаворит сам пришлет её мне. То на то и выйдет.

Цинь Хуай лишь хмыкнул:

— ...

Вот это заявочка.

Шдётший позади побратим свистнул:

— Главарь, едут!

Дочь правого фаворита не поехала по официальному тракту. Говорили, что сам правый фаворит после поминовения предков уже вернулся в столицу, а эта избалованная барышня, видимо, задержалась и, чтобы сократить путь, поехала по объездной дороге через их родные места.

Цинь Хуай окинул взглядом дорогу и озадаченно произнес:

— Почему это дочь правого фаворита путешествует с такой маленькой свитой?

Вся процессия насчитывала от силы человек пять, а Цяо Жань ведь привела с собой добрый десяток парней из горной деревушки.

— Что делать? — Цинь Хуай повернулся к ней и тут же замер.

Цяо Жань неизвестно когда успела снять шляпу, скинула верхнюю одежду, оставшись в легком наряде, лишь лицо наполовину прикрыла повязкой, уперла руки в боки и уже стояла прямо посреди дороги.

У Цинь Хуая заболела голова, и он дернул уголком рта:

— Ты чего творишь?

Мы же впервые грабим живого человека, разве не надо было сначала толком обсудить, как действовать?

Цяо Жань кашлянула, прочистив горло:

— Эй, все, громко выкрикиваем наш девиз!

Цинь Хуай:

— ...

Банда смотрела, как карета дочери правого фаворита приближается, и еще не успела опомниться, как Цяо Жань завопила во всю мочь:

— Эта дорога проложена мной!

— Это дерево посажено мной!

— Хочешь пройти этой дорогой...

— Оставь мне свою красотку!

Братья-разбойники:

— ...

Сколько лет грабили, а такой стыд испытали впервые.

Боясь, что противник со зла покалечит Цяо Жань, Цинь Хуай поспешил встать рядом с ней. Ему было настолько стыдно, что он замотал лицо так, что не осталось ни единой щелочки.

Карета ехавших явно тоже замешкалась, остановившись неподалеку. Кто-то изнутри перекинулся парами фраз через окошко, и экипаж, судя по всему, собирался развернуться.

Цяо Жань вдруг рявкнула:

— Перекрыть дорогу! Добром не хотят — будет по-плохому!

Цинь Хуай вздохнул:

— Да заткнись ты уже!

Сказано — сделано: по приказу Цяо Жань молодцы бросились вперед. Противник явно не ожидал встретить разбойников в родных вотчинах. Людей у них было мало, и они не успели

даже позвать на помощь, как их скрутили. Нашлось парочка умелых бойцов, но против толпы Цяо Жань им было не устоять.

— Заткните им рты, чего раскричались, — распорядилась Цяо Жань. Отирая холодный пот, она подбежала к карете и выпалила: — Дело сделано.

Все прошло куда гладче, чем предполагалось. Похоже, сама судьба благоволила ей, и последнее дельце в Сычуани удалось на славу.

Цинь Хуай велел паре парней быстро связать кучера и остальных. На дороге было небезопасно, у него скребло на сердце, поэтому он приказал вырубить пленников и срочно отступить.

Обернувшись, он увидел, что Цяо Жань с лихим и дерзким видом уже запрыгнула на козлы кареты правого фаворита. С нагловатой улыбкой толкнув дверцу, она бодро и приветливо, словно благородный муж, провозгласила:

— Красавица.

Цинь Хуай мысленно хлопнул себя по лбу и хотел было развернуться и уйти.

Цяо Жань приподняла занавеску, надеясь немного разрядить обстановку, раз уж напугала барышню, но стоило ей заглянуть внутрь в лучах угасающего заката, как она тут же остолбенела.

Пара прекрасных, полных невысказанных чувств глаз неотрывно смотрела на нее, казалось, с усмешкой.

— Черт! — Цяо Жань сглотнула слюну. — Какая красота.

А этот улов того стоил.

Человек внутри по-прежнему не шевелился. Его лицо было прекраснее лица Цяо Жань в добрые восемь раз — просто шедевр богини Нюйвы, настолько неземная красота, что невозможно было понять, мужчина это или женщина. Из-за этого Цяо Жань даже не смогла сосредоточиться на том, во что был одет сидевший в карете человек.

Похоже, кто-то приближался. Цинь Хуай дернул застывшую Цяо Жань сзади и тревожно бросил:

— Уходим!

Опомнившись, Цяо Жань протянула руку, чтобы вытащить человека из повозки, думая, что девушка просто оцепенела от страха. Стоило ей потянуть, как пассажир поддался, и в спешке она действительно вытащила оцепеневшего незнакомца наружу.

Поняв с запозданием, что что-то не так, Цяо Жань сначала не придавала этому значения.

Вдали послышались смутные крики, и она верила всем поскорее отступить, опасаясь, что знатная девица станет шуметь. Развернувшись, чтобы заткнуть ей рот, и окинув «красавицу» взглядом с головы до ног, она наконец осознала, что именно было не так.

Неудивительно, что рот Цинь Хуая сейчас раскрылся так широко, что туда поместилось бы куриное яйцо.

Вдруг «красавица» вырвала руку из хватки Цяо Жань и метнула ладонь к ее горлу. Цяо Жань, еще не отошедшая от шока, не раздумывая, чисто на инстинктах со всей дури врезала пинком.

Кто же знал, что хрупкая и нежная «красавица» рухнет замертво, а лицо ее мгновенно станет мертвенно-бледным.

Задыхаясь, Цяо Жань недоверчено выдохнула:

— Это мужик?!

Цинь Хуай пришел в себя:

— Мы ограбили не тех?

— Понятия не имею, — Цяо Жань сама была в полном раздрае.

С каких пор мужики рождаются такими чертовски соблазнительными?

— Плевать, влипли так влипли, — Цинь Хуай подгонял Цяо Жань. Нагнувшись, он взвалил едва дышавшего незнакомца себе на спину и хмуро бросил: — Погоня наступает на пятки, сначала отходим.

Они пересели в карету и вильнули раз семь-восемь по горным тропам Сычуани, пользуясь запутанным рельефом местности, чтобы сбросить хвост. Лишь когда перевалило за девятый час вечера, они вернулись во временное убежище.

— Он что, вырубился? — Цяо Жань нахмурилась, глядя, как Цинь Хуай втаскивает человека в комнату. — Зовите лекаря, пусть приведет его в чувство.

Без особого церемоний бросив парня на дощатую кровать, Цинь Хуай шарил пальцами у него по запястью, проверяя пульс:

— Что за избалованный барчук? До чего же хлипкий.

Пламя свечи на столе трепетало от сквозняка, проникавшего сквозь щели в окне. То блеклый, то яркий свет плясал на лице лежащего на кровати, и Цяо Жань, бросив на него еще один взгляд, снова поразилась этому дарованному небесами лицу, от которого почему-то даже немного резало глаза.

Слегка кашлянув, Цяо Жань сказала:

— Я пойду проверю, точно ли это была карета правого фаворита.

С этими словами она отвела взгляд и собралась уходить.

Цинь Хуай окликнул ее:

— Ты же отбила ему все внутренности до полусмерти, что делать, если он очнется?

Цяо Жань посмотрела на него и после паузы бросила:

— Ты будешь дежурить. Человек не должен умереть, и тем более не должен сбежать.

Цинь Хуай развел руками, выдав кислую усмешку:

— Вторая главарь Цяо все больше входит в роль хозяйки.

Как-никак, а он, Цинь Хуай, сам поднял свою шайку с нуля, и соли в цыганских делах съел куда больше, чем Цяо Жань — риса. С каких это пор им стали помыкать? Куда девать лицо?

—

До встречи с Цяо Жань Цинь Хуай со своей ватагой изрядно помотался по свету, промышляя благородным грабежом богатеев ради помощи бедным. Вот только доходы редко покрывали расходы, и жили они впроголодь.

Пока три месяца назад в доме одного южного торговца Цинь Хуай не столкнулся с Цяо Жань. В темноте они скрестили клинки, и Цинь Хуай потерпел поражение перед непостижимым искусством воровки. Сойдись они в бою, друг друга они заужали, и Цинь Хуай, питая слабость к талантам, всеми правдами и неправдами переманил Цяо Жань к себе.

Цяо Жань жила легко и свободно, каждое ее слово было окутано тайнами, а сама она словно пряталась в густом тумане. Ни откуда она пришла, ни куда направлялась — все это для Цинь Хуая оставалось непостижимой небесной тайной.

Убежище, в котором они обосновались в Сычуани, на самом деле было не бандитским логовом, а довольно уединенной горной деревушкой. Местные жители мало что повидали на своем веку, а Цяо Жань сорила деньгами щедро, так что, доплатив серебра, их отряд легко там устроился.

Теперь же, когда в Сычуани собирался весь цвет цзянху, оставаться здесь было нельзя.

Ночной горный ветер свистел вовсю. У Цяо Жань снова разыгралась простуда, и она терла покрасневший нос, сидя у жаровни. В комнате стояла тишина, лишь потрескивали летевшие во все стороны искры.

Время второго часа ночи уже миновало, но Цяо Жань от дурного самочувствия не могла уснуть. Братья в деревне тревожились: дозорные принесли весть, что во всей округе, где они совершили налет, рыщут поисковые отряды, а ближе к вечеру появились даже казенные солдаты.

Дело и правда приняло серьезный оборот.

Кто-то поинтересовался у Цяо Жань, когда они уходят из Сычуани, на что она ответила: завтра вечером.

Проведя в Сычуани последний день, она собиралась двигаться дальше на юг, а с приходом весеннего тепла — возвращаться на север.

<http://bllate.org/book/21361/2174511>